

Сергей Кураш (Sergei Kurash)

 <https://orcid.org/0000-0003-2317-7872>
text2005@mail.ru

**Метафорика и интертекстуальность:
еще раз об изоморфизме и функционировании
(на материале русской и белорусской поэзии)**

**Metaphorics and Intertextuality:
Once Again about Isomorphism and Functioning
(Based on Russian and Belarusian Poetry)**

Резюме

Цель исследования – охарактеризовать изоморфизм метафорики и интертекстуальности, выявить конкретно-языковые формы воплощения интертекстуальных метафор, представленные в языке русской и белорусской поэзии преимущественно XX века. С опорой на труды отечественных и зарубежных ученых освещается проблема межтекстового и межкультурного поэтического взаимодействия. Изоморфизм метафорики и интертекстуальности ведет к теснейшему союзу этих двух феноменов; диалогизирующие в поэтической речи метафоры претерпевают те или иные структурно-смысловые изменения как в пределах языка одной национальной литературы, так и во взаимодействии разных национальных литературно-поэтических традиций.

Методы исследования – структурно-функциональный, компонентный, контекстный и оппозитивный анализ.

Результаты исследования. Раскрывается действие тропического механизма за пределами текста-источника. Выявлены и систематизированы разнообразные приемы языковой реализации интертекстового диалога в русской и белорусской поэзии на уровне тропа (продолжение, разветвление метафорического образа, его отрицание и др.).

Выводы, перспективы исследования. Сделан вывод о единстве литературно-культурного континуума, в пределах которого диалогизируют как традиционные, так и уникальные, индивидуально-авторские метафорические тропы русских и белорусских поэтов. Активное взаимодействие метафорики и интертекстуальности во многом объясняется их изоморфизмом. Предложенный подход может служить рабочей моделью для исследования иных элементов образной структуры поэтического текста как фигурантов интертекстового диалога.

Ключевые слова: интертекст, интертекстуальность, метафора, поэтический текст.

Summary

The purpose of the study is to characterize the isomorphism of metaphors and intertextuality and to identify concrete linguistic forms of intertextual metaphors, represented in the language of Russian and Belarusian poetry, mainly of the 20th century. Based on the works of domestic and foreign scientists, the problem of intertextual and intercultural poetic interaction is investigated. The isomorphism of metaphors and intertextuality leads to the closest union of these two phenomena; metaphors dialogizing in poetic speech undergo certain structural and semantic changes both within the language of one national literature and in the interaction of different national literary and poetic traditions.

The research methods are structural-functional, component, contextual and oppositional analysis.

The results of the study. The effect of the tropic mechanism beyond the source text is revealed. Various methods of linguistic realization of intertext dialogue in Russian and Belarusian poetry at the level of the trope (continuation, branching of the metaphorical image, its denial, etc.) are identified and systematized.

Conclusions, research prospects. The conclusion highlights the unity of the literary and cultural continuum, within which both traditional and unique, individually authored metaphorical tropes of Russian and Belarusian poets are dialogized. The active interaction of metaphors and intertextuality is largely explained by their isomorphism. The proposed approach can serve as a working model for the study of other elements of the figurative structure of a poetic text as figurants of an intertext dialogue.

Keywords: intertext, intertextuality, metaphor, poetic text.

ВВЕДЕНИЕ

Теория интертекстуальности возникла на основе теории диалога текстов М.М. Бахтина, причем диалога, который следует понимать весьма широко, «не просто как речевое взаимодействие субъектов или как взаимодействие присущих им различных смысловых позиций, различных пониманий того, о чем идет речь, но как взаимодействие целостных языковых личностей» (Маслова, 2018, 51).

Понятие *интертекстуальность* было введено Ю. Кристевой в 1967 году. К настоящему времени лингвистами предложены различные дефиниции и подходы к изучению данного феномена (И.В. Арнольд, Р. Барт, А.Н. Безруков, Н.Н. Белозерова, Я. Вежбиньски, Ю. Кристева, Н.А. Кузьмина, Р. Лахманн, Т.Е. Литвиненко, Л.Н. Лунькова, В.А. Маслова, В.П. Москвин, Н.С. Олизько, И.П. Смирнов, Е.В. Стырина, И.В. Толочин, Н.А. Фатеева, В.Е. Чернявская, О.Н. Хаками, М. Ямпольский и др.). При этом исследователи идут преимущественно либо «изнутри» текста, как, например, И.В. Арнольд, Т.Е. Литвиненко, В.П. Руднев и др. (*интертекстуальность* – это включение одних текстов или их фрагментов в другие), либо «извне», вслед за М.М. Бахтиным:

Мы рассматриваем диалог в широком бахтинском понимании как диалогику текста, которую можно представить схематически: исходная точка – данный текст, движение назад – прошлые тексты, движение вперед – предвосхищение нового текста. Текст живет, только соприкасаясь с другим текстом... Этот контекст есть диалогический (Зотов, 2000, 8–9).

В приводимом ниже высказывании Я. Вежбиньского эти подходы по сути интегрируются, поскольку, по мнению ученого,

[...] корректное прочтение и целостное восприятие художественного текста фокусируется на множестве связей – внутритекстовых, нетекстовых и межтекстовых. Углубленное понимание художественного дискурса нуждается поэтому в установлении многомерных параллелей, соотношений и ассоциаций (Вежбиньски, 2008, 186).

Н.В. Кузьмина выдвинула идею энергии интертекста, обозначив синергетический потенциал интертекстуальности, свойственный и феномену текста, и языку в целом (Кузьмина, 1999). В развитие этой идеи Е.Ю. Мурагова включает интертекстуальность в число маркеров аллотропичности текста, под которой понимается множественность кодирования смыслов в тексте за счет совокупного действия «внутритекстовых нелинейных отношений и процессов, которые актуализируются репрезентируемыми языковыми средствами» (Мурагова, 2014, 4).

Чрезвычайно важным и по сути отправным для дальнейших рассуждений нам представляются нижеследующие положения:

Интертекстуальность живет именно там, где есть переход, кризис, так как для существования ей необходимо именно изменение, внутренняя семантико-семиотическая трансформация (Безруков, 2005, 35).

Именно полифоническое мышление выливается в интертекстуальные связи (Маслова, 2014, 20). Полифония, момент внутреннего кризиса, напряженности, трансформации роднит интертекстуальность с метафоричностью. Стремление ассоциировать, уподоблять, создавать сходство характеризует и интертекст, и метафору.

Об изоморфизме метафоры и интертекста лингвисты высказывались неоднократно:

Теория интертекстуальности позволяет видеть *метафору* там, где происходит сближение явленного в тексте фрагмента и фрагмента другого текста, не представленного читателю физически [...]. Смыслопорождение разворачивается между синтагматически данным и тем цельным текстовым фрагментом, что присутствует у читателя в памяти. Так два текста становятся семантически смежными (Фатеева, 2007, 37–38).

Если в свете теории референции метафору можно квалифицировать как слово или развернутое высказывание, получающее двойную референтную соотнесенность с фрагментом внеязыковой действительности, то «интер-

текстуальность можно определить как двойную референтную отнесенность текста (полиреферентность) к действительности и к другому тексту (текстам)» (Бабенко, Казарин, 2005, 34).

И.П. Смирнов отмечает: «Известно сразу несколько ... классификаций, по-разному подразделяющих способы отсылок от текста к тексту... И все же большинство из них явно или имплицитно уподобляют виды этих отсылок тем или иным тропам и фигурам» (Смирнов, 1995, 14).

Сходные положения находим в монографии И.В. Толочина:

[...] если метафора – это способ соотнесения посредством категоризации различных понятий на основании базовых метафорических концептов, обеспечивающих категориальные отношения между логически несоотносимыми понятиями, то интертекст – это способ включения элементов энциклопедических знаний в смысловую структуру текста благодаря их оформленности в тексты-концепты, организующие наш культурный опыт (Толочин, 1996, 64).

Изоморфизм метафорики и интертекстуальности ведет к теснейшему союзу этих двух феноменов в современной поэтической речи. Полагаем нужным уточнить, что в данном исследовании мы придерживаемся самого широкого, идущего еще от Аристотеля понимания метафоры: под метафору мы подводим любую компаративную ассоциацию и понимаем этот термин как «зонтиковый» по отношению к ряду других тропов, основанных на сходственных ассоциациях, поскольку различие между ними не концептуальное, а скорее формально-языковое (А.А. Потехня, Е.В. Белецкая, Ю.В. Тимошенко и др.).

ЦЕЛЬ

Цель исследования – охарактеризовать факторы сближения метафорики и интертекстуальности как стержневых характеристик современного поэтического дискурса, выявить конкретно-языковые формы воплощения интертекстуальных метафор, представленные в языке русской и белорусской поэзии преимущественно XX века.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужили поэтические тексты более 100 русских и белорусских авторов. Для достижения поставленной цели использованы методы структурно-функционального, компонентного, контекстно-

го и оппозитивного анализа. В качестве методологически значимых нами рассматриваются работы названных выше и цитируемых далее зарубежных и отечественных исследователей.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Выход метафоры в интертекстуальное пространство порождает чрезвычайно интересное явление метафорического «диалога». При этом имеется в виду, что в каждом своем последующем «перевоплощении» троп претерпевает те или иные структурно-смысловые изменения, т.е. тем самым деривационный тропообразовательный механизм продолжает работать за пределами текста-источника в направлении: текст – идиостиль – контекст литературного направления (школы, стиля) – контекст эпохи – национальный стиль – мировая литература – мировая художественная культура.

Сближается с интертекстуальностью и одновременно противостоит ей явление «литературной эквивинальности» (И.П. Смирнов). Так, сопоставив образные структуры стихотворений Б. Пастернака *Венеция* и К. Павловой *Паров исчезло покрывало...*, И.П. Смирнов отмечает наличие в текстах сходных элементов и всего содержания в целом, но при этом указывает, что конкретных свидетельств того, что один текст родился в результате рекреативной работы над другим нет, из чего делается вывод об ограниченности рамок интертекстуальных исследований,

которые, хотя и не гарантируют безошибочности при определении источников, но, тем не менее, избавляют нас от понимания литературного произведения как структуры, разомкнутой для *вчитывания* в нее все новых и новых – убегающих в бесконечность – претекстов (Смирнов, 1995, 62).

Речь здесь идет и о так называемых метафорических формулах наподобие *жизнь – дорога (плавание, цветение), смерть – увядание* и т.п., и о метафорических архетипах (Франк-Каменецкий, 1935, 96). Однако нельзя отрицать и того, что на подобных образах, как на своеобразных дискурсивных скрепах, держатся и индивидуальные, и национальные поэтические стили.

Достаточно вспомнить в связи с этим такие традиционные для мировой поэзии объекты художественной рефлексии, как *луна, роза, водопад, колокол, лебедь* и другие. Каждый новый метафорический образ любого из них, участвуя в художественной истории объекта, не только обозначает всю ее ретроспективу, вступая со своими предшественниками в диалогические состязания, которые отнюдь не дисциплинируются привычной схемой традиции-новаторства, но что важнее всего, обогащает представление о виртуальном потенциале объекта (Иванюк, 1998, 22).

Поэтому можно принять и высказанное Т.Е. Литвиненко положение о том, что об интертексте можно говорить и в том случае, когда имеются «достоверно верифицируемые источники, цитаты из которых актуализируются в виде ключевых слов интертекста», и в том случае, когда имеют место отсылки «к множеству вторичных прецедентных текстов той или иной степени эксплицитности и значимости» (Литвиненко, 2008, 8). К этой же мысли продвигают и отдельные положения, высказанные в работах Н.А. Кузьминой (Кузьмина, 1999, 34, 107–108), А.А. Леонтьева (Леонтьев, 2001, 100), Н.В. Павлович (Павлович, 2004, 33).

Диалогические (в широком бахтинском понимании «диалога») отношения могут устанавливаться между метафорами, принадлежащими одному идиостилю, в чем реализуется так называемая автоинтертекстуальность с участием метафор. Ср., например, начальный фрагмент стихотворения А. Вознесенского *Эрмитажный Микеланджело*:

„Скрюченный мальчик” резца Микеланджело, / сжатый, как скрепка писчебумажная, / что впрессовал в тебя чувственный старец? / Тексты истлели. Скрепка осталась.

Tertium comparationis, лежащий в основе данной текстообразующей метафоры („Скрюченный мальчик” – металлическая скрепка), раскрывается в другом произведении поэта – *Мой Микеланджело*:

„Скрюченный мальчик” – единственный / подлинник Микеланджело в России, – маленький / демон смерти, неоконченная фигурка для / капеллы Медичи. / Мысленный каркас его действительно похож / в профиле на гнутую напряженную / металлическую скрепку, где силы Смерти и / Жизни томительно стремятся и разогнуться, / и сжаться.

Поэтический текст может становиться и полем диалога метафор, принадлежащих разным идиостилям, выходящего, таким образом, в контекст национальной литературно-культурной традиции. Ср.: *Куда, пути не различая, / ты понеслась по крови луж, / Русь – птица-тройка чрезвычайки, / кренясь от груза мертвых душ?* (Евтушенко). Данная развернутая метафора представляет собой апелляцию к известному символическо-метафорическому образу Руси – птицы-тройки из поэмы Н.В. Гоголя *Мертвые души*. Примечательно и то, что в отношении диалога здесь вступили метафоры, разделенные и пространством (принадлежностью идиостилям разных авторов), и временем (отдаленностью друг от друга целым столетием).

В меньшей степени подобная диалогика ключевых идиостилевых метафор характерна для белорусского поэтического дискурса. Ср.:

Беларусь ты мая, Беларусь, / Няўгасная зорка Вэнэра, / Я агнем тваім вечным гару, / У твае уваскросіаньне веру (Ковыль); *Далека Радзіма, як зорка Венера, / Якая заўсёды ўначы прад вачыма* (Шніп); *На жніве, / Ля ракі, / У трамвай – / Паглядзі – / Прыгажунь не злічыць. / То – нібы сон-трава баравая, / То – як зорка Венера ўначы...* (Буравкин и др.).

Как видно из приведенных примеров, тропообразующим здесь стал образ богдановичской *зоркі Венеры*.

Реже отмечаются факты совмещения в одном тексте двух названных выше видов интертекстуального функционирования метафоры, когда последняя обнаруживает «диалогическую» (деривационную) связь как с прецедентными образами данного автора, так и с образами идиостилей других авторов. Например, в тексте *Грифельной оды* О. Мандельштама, построенном на развертывании державинской метафоры *река времен* (у Г. Державина она выступает как текстообразующая в известном восьмистишии *На тленность*), имеет место и развитие его собственных метафорических мотивов, в частности, из стихотворений *Я не знаю, с каких пор...* и *Чуть мерцает призрачная сцена...* (Семенко, 1985, 119).

Продолжая жизнь в интертекстовом пространстве, метафорический образ может подвергаться различным структурно-смысловым преобразованиям. К наиболее характерным можно отнести следующие.

1. Дополнение исходной метафоры следующим шагом развертывания, т.е. трансформация структурного типа $A = B$ в структурный тип $A = B_1, B_2, \dots, B_n$. Так, в стихотворении В. Брюсова *Кинжал*, строящемся на реминисценции лермонтовского образа *кинжал – поэтический дар* (у Лермонтова он остается в ножнах, «покрытый ржавчиной презренья») (*Поэт*). Данный прецедентный образ получает следующую ступень развертывания: кинжал поэзии уже «из ножен вырван»; ср. заключительное четверостишие текста: *Кинжал поэзии! Кровавый молний свет, / Как прежде, пробежал по этой верной стали, / И снова я с людьми, – затем, что я поэт. / Затем, что молнии сверкали.*

Подобный способ развертывания метафоры в интертекстовом пространстве нередко функционирует в виде «спора метафор» (Харченко, 1989, 138). Общей предпосылкой к этому стала утрата единого мировоззренческого и эстетического центра в социокультурном пространстве.

В качестве примера оппозиции метафорических контекстов с контрастирующим значением приведем диалог фрагмента текста поэмы В. Маяковского *Владимир Ильич Ленин «Единица – вздор, / единица – ноль...»* со строками Е. Евтушенко из стихотворения *Забастовка сердца*, где Евтушенко вступает в полемику с Маяковским: *Народа стержень – это единицы. / Из личностей народ – / не из нулей.* За этой оппозицией кроется разница в идейно-эстетических взглядах двух поэтов, разделенных временем.

Спор метафор может организовываться по принципу трансформации формулы $A = B$ в формулу $A \neq B, A = C$. Ср. фрагмент стихотворения известного белорусского поэта М. Метлицкого, приведенный ниже, предваряемый строкой классика белорусской поэзии Максима Танка *Дарога, закаляханая жытам...* У М. Метлицкого читаем:

*Не жытам – пасівельым палыном / Дарога закалыханая. / Сном пакутна-даўка цэдзяцца
мінуты. / І я, астатні стомлены хадок, / Дарогай уздымуся на грудок, / Прастор аглед-
жу, ветрамі прадзьмуты.*

Аналогичным образом Демьян Бедный в стихотворении *Просты мои песни* отрицает метафорический концепт поэзии, характерный, в частности, для романтической, аполитичной лирики. Ср.: *Не свирелью был стих мой – трубой, / Призывавшей всех вас на решительный бой / С мироедской разбойной оравой.*

Похожий ход в развертывании метафорического образа с включением прецедентного текста находим у Л. Мартынова в стихотворении *Месяц-Отрок...*. Есенинская метафорика у Мартынова дополняется такими образными атрибутами поэзии 60-70-х годов как *космос, скафандр, азот, кислород*. Ср.:

Нет, / Не мед / Из космических сот, / И не ром, не бром, и не гроз, / Но азот с кислородом / Желает вдохнуть, проглотить месяц-отрок! (...) Месяц-отрок из старых есенинских строк. / Месяц в скафандре из собственного сиянья, / Так мечтательно ставящий свой собственный рог / На порог / Своего серебристого шарообразного лунного здания.

Посредством контрастирующих метафор выражается реакция поэтов на автометафоры их собратьев по перу. Ср. известный отклик Б. Ахмадулиной на автометафору А. Вознесенского: *Оторопел, он свой автопортрет / сравнил с аэропортом – / это глупость. / Гораздо больше в нем азарт и гулкость / напоминают мне автопробег. (Мои товарищи).*

2. Посттекстуальное развертывание метафоры, ее превращение из бинарной (двучленной) в веерную (интегрирующую), т.е. из $A=B$ в $(A_1, A_2) = B$.

Танки идут по Праге / в закатной крови рассвета. / Танки идут по правде, / которая не газета. / Страх – это хамства основа. / Охотничьи хари, / вы – это помесь Ноздрева / и человека в футляре. / Совесть и честь вы поправи. / Чудищем едет брюхастым / в танках-футлярах по Праге / страх, бронированный хамством (Е. Евтушенко).

Здесь поэт использовал для создания нового метафорического образа *танки-футляры* знаменитую чеховскую метафору-символ *человек в футляре*, в результате чего метафорический образ *футляра* (В) стал интегративным по отношению к *человеку* (A_1) и *танку* (A_2).

3. Наконец, прецедентная и вновь созданная на ее основе метафора может расходиться на уровне *tertium comparationis* А и В-элементов. Ср. у А.С. Пушкина *Как весело стихи свои вести / Под цифрами, в порядке, строй за строем, / Не позволять им в сторону брести, / Как войску, в пух рассыпанному боем! (Домик в Коломне)*. Приведенный контекст позволяет выделить такие интегральные семы для понятий *стихи* и *войска*, как ‘четкость’, ‘гармония’, ‘упорядоченность’. Та же ассоциация (*стихи – войска*) является одной из доминантных в поэзии В. Маяковского, однако последний, в отли-

чие от Пушкина, актуализирует другие интегральные семы, сближающие в его представлении поэзию и оружие – ‘сила’, ‘действенность’, ‘острота’ и т.п. Справедливости ради оговоримся, что в данном случае мы, по-видимому, можем иметь дело не с собственно интертекстуальными отношениями двух метафор (хотя и это тоже категорически отрицать нельзя); скорее всего, приведенный пример – это образец функционирования образной парадигмы (*творчество – оружие*) в терминологии Н.В. Павлович (Павлович, 1995). Тем не менее, законы разворачивания метафоры, как было показано ранее, являются универсальными.

В диалогические отношения могут вступать и тексты разных национальных литератур.

Коммуникативные продукты, принадлежащие к разным лингвокультурам обладают своими интертекстуальными особенностями, которые детерминированы спецификой культуuroобразующих претекстов, своеобразием соотношения и структуры концептов, возобновляемых в процессе межтекстового взаимодействия (Литвиненко, 2008, 8).

В диалогизировании метафорики русских и белорусских поэтов абсолютно преобладающим является вхождение русского интертекста в тексты белорусских авторов.

Лучшие мастера белорусской литературы, и в первую очередь Я. Купала и Я. Колас, давали образцы мастерского использования средств русского языка в своих художественных произведениях. Из русского литературного языка они старались брать только самое необходимое, обусловленное идейно-эстетическими целями, задачами произведения (Гируцкий, 2012).

Совершенно ожидаемо в текстовом пространстве обеих национальных поэтических традиций в качестве своеобразных культурных скрепов отмечаются одни и те же устойчивые образные архетипы, формулы, парадигмы. Ср.:

Вот и вечер жизни. Поздний вечер. / Холодно и нет огня в доме (Кедрин). ~ Вечар жыцця ўжо ступіў на парог, моўчкі да нас прабіраецца ў сени. (Гениюш). На дрэве чалавечества высоком / Ты лучшим был его листом, / Воспитанный его чистейшим соком, / Развит чистейшим солнечным лучом! (Тютчев). ~ Я – інтэрнацыяналіст / І ў шумнай кране чалавецтва / З тутэйшае галінкі ліст (Бородулин).

Если метафорические переключки подобного рода в целом прогнозируемы в силу их регулярности, системности, обусловленной в первую очередь архетипической природой последних, то о ряде метафорически структурированных словесных образов, обнаруживаемых как у русских, так и у белорусских поэтов, подобного утверждать нельзя. Речь идет о несерийных, индивидуально-авторских образах:

Осень выдалась / шикарная. / Захмелевший от ходьбы, / в незнакомый лес шагаю я / по стиху, / как по грибы (Рождественский). ~ Радкі кладуцца, як грыбы у кошык (Балутенко). Летописец дерева в стволе / пишет, как на письменном столе; / он сучки обводит, как виньетки, / он по кругу вьет свои заметки (Жирсанов). ~ На дзялянцы ў лясным гушчары / Пераклічку вядуць тапары. / Да зямлі снег прыбіт ля камлеў – / Жоўты дождж пілавіння прайшоў / Над пілой дрэва ўпарта маўчыць, / Ды для хлопцаў няма таямніц: / Летаніс падрабязна яны / Прачыталі, як кнігу, на пні (Пысин). ~ Журчит рассказ / и как любой ручей – / уже неважно: / ни о чем, ни чей. / События проточная вода / и счастье, / а вослед за ним беда. / И как лесная жухлая листва, / не торопясь, / сплывают вниз слова... (Слущкий). ~ Ручай паззіі маеі, / адчуўшы волю, / бяжыць па кветкавых лугах, / па чыстым полі, / вітае светлыя гаі, / жартуе з борам, / а вось пачатак ен бярэ... / з крыніцы болю (Логвинович).

Большинство подобных метафорических переключек реализуется в виде продолжения и развития тропеического образа.

В собранном материале зафиксирован целый ряд случаев, когда в качестве эпиграфа белорусскими поэтами используются фрагменты текстов русских поэтов – как классиков, так и современников. При этом структурно-смысловые отношения *эпиграф – текст* могут быть различными. Это развертывание заложенного в эпиграфе тропеического образа, когда последний становится своеобразной «смысловой пружиной», распрямляющейся в последующем тексте. Так, белорусский поэт А. Зарицкий в качестве эпиграфа к стихотворению *Крылы* использует переведенную на белорусский язык строку из стихотворения С. Есенина *Поэтам Грузии: Яскрава сведчыць вешчы знак: / Паэт паэту есць кунак* (в оригинале: *Свидетельствует / Вещий знак: / Поэт поэту / Есть кунак*). В тексте А. Зарицкого есенинская метафора (*поэт – кунак*) по сути демегафоризируется и становится основой для развертывания лирического сюжета о дружбе белорусского поэта Аркадия Кулешова с кавказскими поэтами Расулом Гамзатовым и Кайсыном Кулиевым.

Наконец, встречаются и такие примеры, которые демонстрируют концептуальное преобразование исходного метафорического образа, наполнение его дополнительными смысловыми приращениями. Так, в стихотворении белорусского поэта А. Письменкова *Пра зоркі*, предваряемом эпиграфом из знаменитого стихотворения М.Ю. Лермонтова *И звезда с звездою говорит (Выхожу один я на дорогу...)*, метафорический образ говорящих звезд дополняется такими смыслами, как *звезды – текст, источник информации (Продкі газет не чыталі – / Продкі чыталі па зорках. / Наіўна свой шлях вызначалі / Па іхняй гаворцы.)*, *звездочка – любимая (Не страшна было, / не страшна / Зоркаю, зорачкай яснай / Называць сваю любую)*, *звезда – звездная война (За акіянам усе ахвотней / разважаюць пра «зорныя войны»)*.

Контрастивная оппозиция в поле белорусско-русского поэтического диалога на уровне метафорики представлена немногочисленными примерами,

ср.: *Я не слаўны Ленскі, / Ты ж і не Тацьяна... / Родам я з-пад Менску... / Часта, часта п'яны* (Ковыль). Иначе говоря, в координатах *свое – чужое* интертекстовые метафоры белорусских и русских авторов в весьма редких случаях репрезентируют разнополярные позиции, хотя в целом примеры такого противопоставления встречаются, ср.: *У кожнага свае куміры, / Камусьці Бродскі па душы, / А я прыхільнік іншай ліры, / Мне лепш Грахоўскага вершы...* (Балутенко).

Помимо диалога метафор белорусских и русских поэтов в режиме *эпиграф – текст*, отмечаются и иные формы их интертекстуального взаимодействия:

1. Скрытое цитирование претекста, аллюзия. Ср.: *Я ўсім багат! Я – гаспадар / Палеў, лясоў, лугоў і рэчак. / Я уладар высокіх мар / І добрай долі чалавечай* (Панченко). В этих строках угадывается знаковый для советской эпохи текст, принадлежащий В. Лебедеву-Кумачу: *Широка страна моя родная, / Много в ней лесов полей и рек. / Я другой такой страны не знаю, / Где так вольно дышит человек...*

2. Фигурирование в посттексте отдельных образов и персонажей претекста, включенных в систему средств тропеической образности: *Ад Сяргея Ясеніна / Я хварэю бярозамі (Падбярозавік); Спачывайце пасярэдзіне / зямлі, / Так падобныя / у подзвігу / на Данка* (Арабейко).

3. Показательны такие примеры, в которых имена собственные (обычно фамилии) писателей одной лингвокультуры используются в качестве ономастических метафор в другой лингвокультуре: *І над новай жалезнай страхой, / Дзе спляліся світальныя цені, / Нарадзіўся Шэкспір і Талстой, / Заспяваў беларускі Ясенін...* (Кляшторный).

4. Тропеически структурированная апелляция к инокультурному творчеству собратьев по перу: *Такі разрыў са светам есць, / Такая немінучасць праўды, / Што кожны дзень, як верш Бергольц, / Напісаны у жах блакады* (Ковтун); *Вунь над Расіяй, / над прасторам яе вялікім / самая яркая зорка плыве. / То Пушкіна сэрца! / Славянскіх бяроз галінкі / цягнуцца ў рускае неба. / І зорка плыве. / Гарыць над Іспаніяй / сэрца Лоркі — / над горам радзімы, над сваёю ж крывен* (Купреев).

Интертекстуальное поле метафорического диалога может быть более или менее обширным, протяженным. В нем можно обнаружить следующие типы взаимодействий: текст ← фрагмент текста (П. Макаль, *Слова пра словы* ← В. Маяковский, *Во весь голос*); текст ← текст (В. Коризно, *Ты мне заспявай* ← Я. Смеляков, *Если я заболею...*); текст ← совокупность текстов. Например, стихотворение В. Стрижака *Падбярозавік* имеет опору на ряд ключевых мотивов поэтического творчества С. Есенина, отраженных в его разных произведениях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, интертекст и метафора изоморфны в силу роднящих их полифонии, многоплановости, внутренней напряженности как результат поиска и нахождения ассоциаций. В том числе и в силу этого столь тесен их союз в поэтической речи. Интертекст является максимальным контекстным континуумом метафоры, однако таким, который сам по себе имеет весьма условные границы, способные с течением времени расширяться до интеркультурного пространства.

Поле диалога русской и белорусской поэзии на уровне метафорики достаточно обширно в отношении пространственно-временных координат (переключки с текстами классиков и современников, близких и/или отдаленных в идейно-тематическом, эстетическом, творческом планах) и разнообразно с точки зрения способов подобного диалогизирования. Это позволяет говорить о единстве культурного континуума, в пределах которого функционируют как традиционные, так и индивидуальные, сугубо авторские метафорические построения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арнольд, И.В. (1999). *Семантика. Стилистика. Интертекстуальность*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Бабенко, Л.Г., Казарин, Ю.В. (2005). *Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика*. Москва: Флинта.
- Безруков, А.Н. (2005). *Поэтика интертекстуальности*. Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. академия.
- Вежбиньски, Я. (2008). *Семантико-культурологический аспект интертекстуальности в художественном тексте*, Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica, 4, 179–187.
- Гируцкий, А.А. и др. (2012). *Двуязычие: теория и практика*, <http://elib.bspu.by/handle/doc/5202>, доступ: 16.01.2020.
- Зотов, Ю.П. (2000). *Диалогика текста как бесконечномерное смысловое пространство*. Саранск: Изд-во МГПИ им. М.Е. Евсевьева.
- Иванюк, Б.П. (1998). *Метафора и произведение. Структурно-типологический, историко-типологический и прагматический аспекты исследования*. Черновцы: Рута.
- Кузьмина, Н.А. (1999). *Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. Омск: Омск. гос. ун-т.
- Леонтьев, А.А. (2001). *Бессознательное и архетипы как основа интертекстуальности*. В: *Текст. Структура и семантика*, Т. 1 (92–100). Москва: МГУ.
- Литвиненк, Т.Е. (2008). *Интертекст в аспектах лингвистики и общей теории текста*. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. лингв. ун-та.
- Маслова, В. (2000). *Марина Цветаева. Над временем и тяготением*. Минск: Экономпресс.
- Маслова, В.А. (2014). *Когнитивный и коммуникативный аспекты художественного текста*. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова.

- Маслова, В.А. (2018). *Принцип диалогизма М.М. Бахтина и его преломление в филологии. В: Психологический Vademecum: Витебщина М.М. Бахтина* (49–53). Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова.
- Муратова, Е.Ю. (2006). *Интертекстуальность как одна из текстопорождающих категорий*, *Вестник Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта*, 4 (3), 98–103.
- Павлович, Н.В. (1995). *Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке*. Москва: ИРЯ РАН.
- Руднев, В.П. (1997). *Словарь культуры XX века*. Москва: Аграф.
- Семенко, И.М. (1985). *Развитие метафор в «Грифельной оде» Мандельштама (от черновых вариантов к окончательному тексту)*, *Ученые записки Тартуского университета*, 680: *А. Блок и его окружение. Блоковский сборник*, VI, 117–136.
- Смирнов, И.П. (1995). *Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака*. Санкт-Петербург: Языковой центр СПбГУ.
- Толочин, И.В. (1996). *Метафора и интертекст в английской поэзии*. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ.
- Фатеева, Н.А. (2000). *Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов*. Москва: Агар.
- Франк-Каменецкий, И.Г. (1935). *О развитии поэтической метафоры*, *Советское языкознание*, 1, 93–145.
- Харченко, В.К. (1989). *Переносные значения слова*. Воронеж: ВГУ.

- Arnol'd, I.V. (1999). *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'*. St. Petersburg: SPbGU.
- Babenko, L.G., Kazarin, Yu.V. (2005). *Lingvisticheskii analiz khudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika*. Moscow: Flinta.
- Bezrukov, A.N. (2005). *Poetika intertekstual'nosti*. Birk: Birk. gos. sots.-ped. akademiya.
- Fateeva, N.A. (2000). *Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov*. Moscow: Агар.
- Frank-Kamenetskii, I.G. (1935). *O razvitii poeticheskoi metafory*, *Sovetskoe yazykoznanie*, 1, 93–145.
- Girutskii, A.A. i dr. (2012). *Dvuyazychie: teoriya i praktika*, <http://elib.bspu.by/handle/doc/5202>, accessed: 16.01.2020.
- Ivanyuk, B.P. (1998). *Metafora i proizvedenie. Strukturno-tipologicheskii, istoriko-tipologicheskii i pragmaticheskii aspekty issledovaniya*. Chernovtsy: Ruta.
- Kharchenko, V.K. (1989). *Perenosnye znacheniya slova*. Voronezh: VGU.
- Kuz'mina, N.A. (1999). *Intertekst i ego rol' v protsessakh evolyutsii poeticheskogo yazyka*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. Omsk: Omsk. gos. un-t.
- Leont'ev, A.A. (2001). *Bessoznatel'noe i arkhetypy kak osnova intertekstual'nosti*. В: *Tekst. Struktura i semantika*, Т. 1 (92–100). Moscow: MGU.
- Litvinenko, T.E. (2008). *Intertekst v aspektakh lingvistiki i obshchei teorii teksta*. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo gos. lingv. un-ta.
- Maslova, V. (2000). *Marina Tsvetaeva. Nad vremenem i tyagoteniem*. Minsk: Ekonompress.
- Maslova, V.A. (2014). *Kognitivnyi i kommunikativnyi aspekty khudozhestvennogo teksta*. Vitebsk: VGU imeni P.M. Masherova.
- Maslova, V.A. (2018). *Printsip dialogizma M.M. Bakhtina i ego prlomlenie v filologii. В: Psikhologicheskii Vademecum: Vitebshchina M.M. Bakhtina* (49–53). Vitebsk: VGU imeni P.M. Masherova.

- Muratova, E.Yu. (2006). *Intertekstual'nost' kak odna iz tekstoporozhdayushchikh kategorii*, Vesnik Belaruskaga dzyarzhaynaga ūniversiteta, 4 (3), 98–103.
- Pavlovich, N.V. (1995). *Yazyk obrazov. Paradigmy obrazov v russkom poeticheskom yazyke*. Moscow: IRYa RAN.
- Rudnev, V.P. (1997). *Slovar' kul'tury XX veka*. Moscow: Agraf.
- Semenko, I.M. (1985). *Razvitie metafor v «Grifel'noi ode» Mandel'shtama (ot chernovykh variantov k okonchatel'nomu tekstu)*, Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta, 680: *A. Blok i ego okruzhenie. Blokovskii sbornik*, VI, 117–136.
- Smirnov, I.P. (1995). *Porozhdenie interteksta. Elementy intertekstual'nogo analiza s primerami iz tvorchestva B.L. Pasternaka*. St. Petersburg: Yazykovoi tsestr SPbGU.
- Tolochin, I.V. (1996). *Metafora i intertekst v angliiskoi poezii*. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU.
- Vezhbin'ski, Ya. (2008). *Semantiko-kul'turologicheskii aspekt intertekstual'nosti v khudozhestvennom tekste*, Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica, 4, 179–187.
- Zotov, Yu.P. (2000). *Dialogika teksta kak beskonechnomernoie smyslovoie prostranstvo*. Saransk: Izd-vo MGPI im. M.E. Evsev'eva.